

Реквием по дикому гусю

Alexander Kaplan (Александр Каплан)
Johns Hopkins University, Baltimore, MD, 21218, USA
alexander.kaplan@jhu.edu

---

*(Далекой памяти ушедших Саши Зацеляпина и двух "собрагидников" --
Саши Маркина и Коли Шарашкина -- посвящая)*

Целина

Год был 1957; для Физтеха это был первый массовый выезд на целину. Всех погрузили в теплушки и повезли в далекий Казахстан, где в степях в сотнях километрах от Акмолинска ожидал их совхоз "Харьковский". Смысла во всём этом всесоюзном мероприятии было мало, но ведь и во всей советии смыслом никогда и не пахло, так что забудем об этом...

Ехали те, кто кончил 2-ой и 3-ий курсы. Санька потерял стипендию из-за двойки по историю партии, и чтобы заработать на пропитание на следующий семестр, уже договорился о летней работе в гео-физической экспедиции. Неожиданное объявление о целине (а поездка была обязательной; за отказ его бы просто отчислили с Физтеха), кроме никому не нужного тяжкого и практически неоплачиваемого труда на сборе урожая, лишало его возможности заработать на минимальное существование осенью. Его отчаянные попытки объяснить это администрации и комсомольским властям окончились ничем: "либо едешь, либо бай-бай". Что-ж, вдруг удастся там заработать...

Беззаботная и веселая часть всего этого была только сама поездка в теплушках через пол-страны. Потом студентов загрузили в раздрызганные грузовики и везли целый день к черту на кулички, по голой, плоской и бесконечной степи. Пыль от машин закрывала горизонт и въедалась в рот, в глаза, в воду которую они пили и хлеб который они ели...

По приезде в совхоз, их, сонных и измотанных, развели спать по каким-то пустым амбарам, а поутру распределили по бригадам на комбайны и трактора, на погрузку-разгрузку собранного хлеба, и всякой другой работы около уборки. Практически все работы были на уровне чернорабочих, а если и требовался какой-то навык, скажем на комбайне, они быстро его набирали; не бином Ньютона... Но расценки на всё были копеечные, и как-бы по черному они ни работали (а часто это было за 12 часов в день, почти весь световой день, и с редкими выходными), их заработок был смехотворный. Почти без исключений, все кто работал в поле, оказались в конце в задолженности перед совхозом после вычета стоимости на проживание и пропитание (обычно хлеб, каша, и полупустая похлебка с картошкой и мелкими кусочками мяса непонятного происхождения). Разницу с них никто конечно не взыскал (из чего?), но и денег они никаких не получили. "Человек всегда имеет право на учёбу, отдых, и на труд..."; ну а про справедливую оплату никто ведь и не говорил...

На подхвате

Совхозу однако нужны были и другие разнорабочие для работ в центральном поселке, в основном вокруг стройки: рыть траншеи, возить и погружать-выгружать строй-материалы, подсобники на пилораме, на замесе бетона и гашеной извести, и т. д.

Это всё были тоже копеечные работы. Всего туда было назначено около дюжины человек; Санька оказался одним из них. (Был отбор: "кто может строить?", ну Санька и сказал, "я могу". Смешно; копать траншеи любой мог... Правда, он еще с детства умел столярничать, слесарничать, и работать со многими инструментами.)

Эти строители на подхвате быстро разбились на маленькие группы; Санька с аеромехом Валерой сначала перетаскивали завалы опилок на пилораме, потом рыли яму под сортир на два очка, и им даже доверили поставить сам сортир над ней; тут и пригодилось их небольшое доморощенное плотницкое умение. Их строительная стезя привела их дальше к сборке рубленого сруба из заранее заготовленных где-то на Урале и пронумерованных бревен. Здесь, приставленные напарниками к двум профессиональными плотниками, они впервые своими руками подняли дом из бревен, и научились ставить "стулья" под сруб, затаскивать и подгонять на месте топором бревна, врезать в срубке окна и двери, и забивать щели и поднимать стену шпаклевкой и даже мохом, и подбивать её клиньями чтобы выровнять огрехи (узнал тогда Санька старинную поговорку, "Кабы не клин да мох, плотник бы сдох"...). У этих плотников, в основном в приглядку, и научились они азам мастерства. Два главных инструмента есть у плотника: топор и двуручная пила. Умение пользоваться ими и "настраивать" их -- основа настоящего плотника. Вот вам ода топору.

Отступление: Ода топору

Завезли его в будущую Россию с Запада скорее всего варяги; грабеж на морях и реках был их "отхожим промыслом", а так были они крестьяне и плотники, и ладьи свои строили сами. Плотницкий топор тяжелый; рубит он не импульсной силой приложенных рук, а набравшейся инерцией; в последний момент умелая рука направляет удар и "модулирует" его. Лезвие топора должно быть абсолютно прямое, заточено как по ниточке. Малоизвестная тонкость — если поставить лезвие на ровную плоскость, а топор держать вертикально, пяточка топоряща должна точно коснуться этой плоскости. Делается это для правильного баланса топора: при такой посадке он не "отдает" в руки и суставы. Это примерно, как с шашкой, удар которой должен приходиться на определенную точку шашки, чтобы не "било в руку"; студенты физфаков решают задачу об этой точке на первом курсе... Поэтому топоряще надо делать и насаживать самому, а не покупать готовый инструмент -- на фабрике про баланс ничего не знают.

Плотника видно по тому как он держит топор: охватившие топоряще руки должны тесно прижиматься друг к другу для точного контроля удара... Американцы так же держат бейсбольную биту. Наверно и варяги так держали свои мечи с ручкой на две ладони. Римским центурионам это было, видать, "до фени"; их меч был короткий, для одной руки, другая была нужна для щита -- или "птичку" средним пальцем врагу показывать, кто их знает....

Сталь топора должна быть точно выбрана инструментальщиками, не мягкая, конечно, звенеть должна почти малиновым звоном, но и не слишком твёрдая, не углеродистая, а то хрупкий конец лезвия или его средняя часть может легко обломиться. И она должна точиться легко: на лезвие быстро появляются зазубрины (в старых балках много гвоздей...), и сталь его должна допускать быструю заточку -- всегда стоит иметь с собой брусок; но и найти подходящий камешек нетрудно. Хорошо

заточенным топором можно заострить спичку и стесать бревно на брус. Желобок в бревнах для сруба избы опытный плотник делает волновыми взмахами топора, слева-справа-слева... Повернутый обухом вперед, топор становится тяжелым молотком, забивать толстые гвозди. Но бить по обуху топора (например когда он застрял в бревне) обухом другого не стоит: нижний обух может расколоться.

Для топорщика надо выбирать вязкое дерево (вяз, липу), вырубать его другим топором и доводить осколком стекла. Еще тонкость: после того как топор насажен, в конец топорщика выступающий сверху из «ушка» топора, надо забить клин, тоже деревянный, и эта распорка не даёт топору болтаться; но дерево сохнет и разбалтывается в "ушке", и это уже не инструмент; ну а подбивать клин все время тоже не дело... И вот Санька поразился, когда впервые увидел как на перерыве плотники забросили свои топоры в кадку с водой и потом снова вытащили их вернувшись обратно. Все просто: дерево разбухало, и инструмент снова становился одним целым. А топор и не ржавел; только вытереть его надо; да и не каждый день надо его отмачивать. (Не оттуда ли пошла сказка о том как солдат суп из топора варил?)

Много еще можно рассказать о топоре. Как им рубить? — ошибка, например пытаться вести удар лезвия вдоль волокна дерева, так легко расщепить древесину глубже чем надо, и вообще при этом плохо контролируется скол древесины. Лучший удар — сверху и слегка наискосок, когда например, обтесываемое бревно лежит на земле, то лезвие должно в момент удара приходиться почти параллельно земле, или под небольшим углом; тогда можно почти сбивать тонкий слой дерева — ну и конечно нужен острый топор. В опытных руках топор много чего может сделать; ну, например им можно разводить двуручную пилу: поставить её на землю зубьями кверху, зажать ногами в сапогах, и жалом топора введенного между зубцами, разворачивать их вправо-влево-вправо-влево... ничего, быстро получается.

С двуручной пилой тоже целая наука... Неопытному человеку трудно научиться работать с ней напару с другим пильщиком; пила все время заедает или угрожающе выстреливает из распила с диким звоном... Уже потом, после физтеха, еще много лет, Санька работал в строительных бригадах, "шабашках", в свои отпусках, а потом сам их и организовывал, будучи уже плотником "первой руки" в каждой из них. На одной из шабашек он столкнулся с бывшим зеком, лагерным заключенным, работавшим когда-то на лесоповале в лагере. Попилив в паре с Санькой, он спросил на перекуре: "Где сидел, мужик?" Он не поверил в Санькин отрицательный ответ: "не... так можно научиться только в зоне...".

Коровник

Ну ладно, не об инструментах рассказ... Те профессиональные плотники, оказывается были частью плотницкой бригады из шести человек, и занимались пустяками в ожидании своего большого заказа -- коровника на 200 коров. Директор совхоза нанял их в ожидании стада; и вот стадо было куплено, коров привезли и выпустили пастись и ночевать под открытым небом, а бригаду плотников бросили наконец на строительство коровника. (Так Санька и его будущие приятели по этому коровнику никогда не поняли, почему же директор совхоза не поставил профессиональную бригаду на строительство коровника заранее, еще до того как стадо было пригнано; много времени было упущено... Скорей всего, он просто не был уверен, сможет ли он

купить это стадо.)

Что-то не заладилось у этой бригады с коровником с самого начала. То ли их бригадир просмотрел что-то в аккордном наряде, то ли совхозный прораб потребовал "откат" большой, то ли обычная российская "трын-трава" расцвела, но стали они пить, и всё больше, и пару раз кто-то из них по пьянке свалился с крыши коровника. А в перерывах между питьем сообразили они, что выгодней им подрабатывать на стороне, строя крылечки и пристройки в домах совхозных рабочих вместо коровника, да и использовать при этом лес с коровника.

Так прошел месяц, стадо себе гуляло под открытым небом, коровник еле двигался, а время шло к осени -- а там уж и зима, страшная в этих краях; конец стаду... Прораб и директор видать извелись пытаюсь сделать что-то, но в середине сезона другой бригады найти было уже невозможно.

Тут у студентов прорезалась решимость; не зря всё-таки отбор на Физтех был жесткий. Санька с Валерой обошли еще две пары таких же квази-плотников как и они, и вечером, собравшись на бревнах у костра из обрезков, они устроили военный совет. Идея была сойтись в бригаду из шести человек и попытаться перенять наряд на достройку коровника. Выбрав бригадиром единственного из них третьекурсника, который казался хватким мужичком, они все вместе на следующий день с раннего утра нашли директора совхоза, и изложили ему свой план. Тот только отмахнулся: "да какие вы плотники, мать вашу...".

Но они не отступили: "Слушай: ведь коровник как кишка; твоя бригада ведет его с одного конца, а ты поставь нас с другого; никто никому мешать не будет. Дай нам неделю, не надо наряд подписывать сразу, -- и посмотри получится ли что-нибудь. Что ты теряешь?! Вон, стадо-то твое где гуляет?... А выиграть сможешь, чем черт не шутит! Мы-то будем работать как каторжные, ведь это для нас единственный шанс заработать в этом твоём еб**м совхозе! Только если потом решишь отдать нам коровник, подпиши с нами аккордный наряд..."

Что-ж, резон был; он приказал прорабу дать им другую сторону коровника. За десять дней сделали они столько же сколько плотницкая бригада за месяц; была это конечно работа на износ, весь световой день, и небольшой прожектор добыли для вечерних часов, но сделали же... Чтобы не тратить время на ходьбу из поселка, где они жили по "углам" в разных домах, они вырыли себе три норы-землянки покрытые досками и толем прямо у коровника, где и спали, не раздеваясь; чай и картошку они варили на очажке из кирпичей.

Отступление: о землянке

А землянки -- мало кто остался, кто делал их, жил в них, или хотя бы видел их. Были они в войну, эвакуацию, в лагерях, в погоревших деревнях... "Бьется в тесной печурке огонь, на поленьях смола как слеза, и поет мне в землянке гармонь про улыбку твою и глаза..." Ничего, большая землянка была; печка вот... Наверно позиционная война была, на гармонии играли... "Землянка наша в три наката..." -- ну, это явно штабная землянка, три наката бревен для потолка; где столько бревен возьмешь для всего полка... "Я по свету немало хаживал, жил в землянках, в окопах, в тайге... Похоронен был дважды заживо..." -- о! здесь жизнь рассказана; воевал -- окопы, -- попал видать в плен, бежал, скрывался в лесах -- землянки, -- попал обратно -- и отправлен в лагерь --

тайга; "похоронен дважды" -- ну да, один раз -- "пропал без вести" на войне, другой -- в лагерь, "без права переписки", и знающие люди считали -- расстрелян... Ну что-ж, это уже ближе к делу; и жил-то он видать в самой простой землянке -- это просто наспех вырытая яма, покрытая чем ни попадя от дождя, скажем слегка наклоненными слегами и накиданными на них ветками и плащ-палатки или куска брезента; ну и вход в нее как окопчик. Вот, такие студенты себе и сделали. Тоскливое это дело -- жить в землянке...

Мурло и битва у костра

Обратно к коровнику -- директор был решительный мужик, иначе трудно в тех краях. Он снял плотницкую бригаду с коровника -- ни к чему было иметь там две бригады -- и поставил их на разные работы помельче в главном поселке. Те не смогли этого стерпеть; вечером того же дня они заявили, пьяные вдрызг, к лагерьку студентов, размахивая топорами. Драка при свете мятущегося огня от очажка выглядела как на ночных картинах Гойи, но закончилась без большого кровопролития. Было очень страшно, но студенты инстинктивно нашли правильную защиту: сработавшиеся напарники похватили по тяжелой доске на двоих, и выдвинутым вперед торцом доски, как тараном, с разгону били по очередному нападающему. Пьяные плотники плохо координировались, а их топоры не доставали противника. Студенты могли бы просто убежать, но плотники кричали что пожгут всю работу сделанную ими.

Растерзанные и покрытые кровью и ушибами, плотники с проклятиями покинули поле боя и скрылись в темноте, а студенты после того как трясучка возбуждения сошла, заползли в свои землянки и попытались заснуть, оставив на страже двоих с пересменкой.

Но через пару дней, те же плотники появились снова вместе с прорабом и нормировщиком, трезвые: им нужно было передать материалы и сделанную работу, иначе бухгалтерия не начислила бы им заработанное. Студенты были заинтересованны по той же причине. Произошел и короткий обмен строительной информацией, и тут они на слух подхватили и терминологию. Бригадир плотников, который, кстати, не участвовал в ночной драке, показывал, что они уже сделали и зачем, и сказал, что дальше надо делать на "их" конце. "Вот тут, сказал он, показав на начало цепочки бревен, тянувшейся поверху стены -- они лежали на вертикальных опорах и были "повязаны" друг с другом врубленными "замками" -- мы тянули "мурло", так что вам надо так и продолжить, как вы делали и на своем конце..." Что-ж, мурло так мурло, коротко и ясно. Когда несколько дней спустя приехал прораб, чтобы проверить все ли в порядке, они ему, среди прочего, уверенно рассказали, "а вот тут мы тянем мурло..." Он покровительственно посмеялся: "не мурло это, а "мурлат"!" Через неделю, заехавшему инженеру из районного строй-отдела, они уже профессионально рассказывали, "а здесь мурлат...". Тот устало улыбнулся, "да нет, ребята, правильно -- мауэрлаг, от немецкого, бревно-поверх-стены...". Но конечно же до конца этой стройки так у них и осталось для "внутреннего потребления" -- мурло... Это где-то там, "в далеком Сингапуре", у стройки может лицо есть; а тут -- мурло, как еще...

Коровник: инженерия

Главная часть работы было сделать крышу вместе с опорами; стенки между опорами должна была заполнить саманными кирпичами другая бригада, которая за копейки

делала эти кирпичи, топчась босиком в жидкой глине с соломой, нарезала это кашу на кирпичи с помощью грубых деревянных форм, сушила их на солнце, а потом делала из них кладку. Была это мордовская бригада; человек двадцать мужиков и баб, бедней которых Санька до того еще не видел; их обед всегда был тюрей из подкрашенного молоком кипятка с хлебом...

Ну а крыша была профессиональной, плотницкой работой... На стандартном российском коровнике, хоть и с саманными стенками, крыша -- непростое сооружение. Основная, несущая её часть, требующая много работы, умения, опыта и инженерии -- это стропильные связи, фермы. Идут они через каждые пару метров, и каждая ферма собрана из нескольких толстых и широких досок, балок, основные -- метров 8-10 длиной, каждая из них несет большую нагрузку -- кто на сжатие, кто на растяжение, и все вместе образуют они огромную треугольную связку, тупым углом вверх. Здесь особенность -- центр этой фермы не поддерживается снизу столбом, и опирается она вся только на стенки, где и ложится на "мурло", а её центр "висит" в воздухе. Нужно это потому что как раз к центральной части стропильных связок потом прикрепят подвесную дорогу для кормов, которые будут раскидываться по обе стороны, где и будут стоять коровы. Так что стропильные фермы должны держать не только вес крыши (плюс тяжеленный снег зимой), но и подвесную дорогу.

Собственно стропила -- это верхние балки, к которым прибиваются доски самой крыши, а на них уже стелется покрытие -- толь, и поверх его -- шифер. Из точки, где стропила наверху соединяются, к центру нижней, горизонтальной части связи, к которой потом и подвешат кормовую дорогу, идет вертикальная балка, которая крепится к стропилам вверху и к горизонтальным балкам внизу с помощью толстых накладок, скрепленных болтами через просверленные дыры (а сверлить надо было руками сквозь всю связку, огромным сверлом с ручкой на две руки). Эта центральная балка стыкуется со стропилами с помощью особого плотницкого "замка" -- "ласточкин хвост", который нужно было вырубать топором -- точная работа... Ну, а кроме этого, есть еще две "косые" балки, идущие от центра нижней наискосок к стропилам.

Всю эту ферму нужно было "вязать" на земле, а потом затаскивать наверх, что стоило диких усилий и подсобных слег (они пробовали сборку прямо наверху, но это оказалось опасной затеей). Для "вязки" им пришлось делать свои шаблоны; плотницкая бригада разобрала свои, чтобы они не достались студентам. Чтобы затаскивать готовые фермы наверх, студенты в итоге выпросили у прораба поломанную лебедку, которую сами и починили. Мощности и конструкции лебедки еле-еле хватало для тяжелых стропильных ферм, и спустя какое-то времени, когда уже началась осень, она сломалась безнадежно -- ажурная вертикальная часть её конструкции не выдержала, сталь прогнулась, и вся лебедка "сложилась" как сломанное дерево; упавшая ферма чуть не задавила одного из них.

Чудо в ночи

Много было у них уже критических моментов, когда опускались руки, но этот оказался самым худшим. Обычно кто-то из них, чаще всего бригадир, становился лидером и поднимал остальных из ступора. Но тут казалось, всё -- конец котенку; ничего нельзя сделать, ухнул их аккордный наряд, ухнули результаты тяжких усилий. Моросил холодный дождь рано начавшейся осени; опускался вечер. Они сидели на

бревнах, в намокших телогрейках, как мертвые; не было сил даже закурить или дойти до землянок.

Но вот, как чудо, один из них, самый спокойный и молчаливый, даже матом никогда не ругался, Коля-радиотех, невысокий и не богатырь, вдруг встал и молча заковылял к лебедке. Подняв с земли гаечный ключ и кувалду, он стал пытаться загонять один из отлетевших болтов в ферму. Ни говоря не единого слова, один за одним остальные бригадники отлепились от своих бревен и поплелись к лебедке. Кто-то ушел, и притащил прожектор; после долгих поисков кабеля, его подключили, и площадка осветилась. Покатилась тихая но напряженная работа; идеи как сделать лебедку функционирующей стали прорезаться в односложных оборванных фразах. Ставший на эту ночь безоговорочным лидером, Коля предложил простейшую вещь -- сделать основное тело лебедки, вернее укрепить ее, прикрутив толстые деревянные балки к выпрямленной (но уже не державшей нагрузки) ферме лебедки толстой проволокой которые шоферы используют обычно чтобы скрутить вместе связки досок или бревен в кузове грузовика после погрузки, используя монтировки. Такой проволоки было достаточно вокруг стройки, а вместо монтировок они использовали ломы. Отдельная проблема была как выпрямить сломавшуюся ферму, но в проснувшемся остервенении ночного отчаяния, они придумали, как сделать и это тоже, используя все ту же проволоку и ломы, прикрутив ее временно к одному из столбов опоры стенок. Это молчаливое остервенение и нежелание сдаваться скрутило их вместе как та перевитая проволока, подняв над холодной дождливой ночью и безысходностью; они запомнили эту ночь надолго... Рассвет застал их вокруг почти законченной, уродливой -- но работающей лебедкой. Они доползли до своих землянок-нор, и забылись мертвым сном. После полудня они снова принялись за крышу.

Как жили?... -- и про Сашку-артиста

Как они жили? Они все курили, даже те кто не курил до или после; курили махорку, единственное что можно было купить в сельмаге. Махорка в скрутке имеет необычный, какой-то хлебный вкус. Всероссийское, фронтовое, лагерное, строительное, деревенское курило... Много позже, когда Санька стал курить трубку, он попытался заправить ее махоркой, но трубка быстро прогорела -- слишком большая температура даже в тлеющей махорке... По редчайшим выходным дням, почти все пытались достать что-либо выпить. В принципе, в поселке гнали самогон, плотники не просыхали от него, но студентам было трудно получить к нему доступ. В сельмаге водку не продавали -- запрет директора совхоза. Тройной одеколон был первым выбором, а когда он кончался, раскупали любой цветочный одеколон. Санька и водку-то не переносил, а одеколон -***. Но у него был свой кайф, более доступный: он покупал банку сгущенки, устраивался в тихом углу на бревнах, протыкал две дырки в крышке гвоздем -- и в медленном экстазе высасывал всю банку...

Ели они так -- в полдень совхозный грузовичек захватывал их и вез на центральную усадьбу, где в столовке их кормили полупустой баландой и жидкой кашей. Добавку можно было просить, но что проку -- они всегда были голодные. Однажды Санька починил приемник у местного работяги, и тот дал ему много яиц; Санька там же у него сделал себе большую яичницу, и хотел половину взять с собой, для ребят; но увидев как жадно смотрели на неё детишки хозяина, трое, -- отдал что оставалось им. А один

раз к ним на коровник заехал Сашка-артист, тоже плотник в другой, малой бригаде, и отдал им пару подстреленных уток (он был охотник, и привез с собой ружье; и где-то в совхозе одалживал мотоцикл). Он был щедрый, Сашка-артист, да и во многом другом был необыкновенен; а "артист" -- таки он был блестящий артистом-комиком, циничным и беспшабашным на вид -- и много других талантов имел; позже он стал капитаном легендарной физтеховской КВН команды... После Физтеха Санька познакомился с ним много ближе -- и поразился его тщательно скрываемой душе, глубокой -- и ранимой... Прошло несколько лет, и Сашка-артист выстрелил в себя из своего охотничьего ружья... Много лет спустя, когда Санька увидел Джона Белуччи ([John Belushi](#)) в фильме *The Blues Brothers*, он с грустью вспомнил Сашку-артиста -- они были чем-то очень похожи...

Подножный корм

Ну а работа у бригадников была тяжелая, и гнали они ее из понятного интереса заработать, и есть им надо было соответственно. И в какой-то момент они решили использовать, что было прямо под ногами, хоть долго их совесть сопротивлялась этому... А под ногами у них бродили местный куры, забредшие на коровник из дворов совхозных работяг на центральной усадьбе. Их там не держали в загородке, ну они и бродили где хотели -- но повидимому к ночи возвращались домой... Кратко обсудив юридическую сторону дела, бригада решила рассматривать этих кур как "диких" -- ведь на тех не было никаких меток прикреплявших их к их хозяевам... Как бы то ни было, решив что делать нечего, а есть надо, они устроили охоту за курами. Тут оказалось, что это вовсе не просто -- поймать курицу голыми руками просто невозможно, уж очень они быстрые... Первую курицу долго ловили, забрасывая ее телогрейками, пока наконец не поймали. Дальше ее надо было приготовить для освежевания -- отрубить ей голову, попросту... Вот этого уж никто не хотел делать; бросили жребий. Он выпал на Саньку и его тезку -- Сашу-оптика; Санька должен быть держать куру, а Саша-оптик -- работать топором. Положив куру на обрезок бревна, Санька держал ее, отвернувшись, и чуть не поплатился своими пальцами -- оказывается, Сашка-оптик, махнув топором, тоже отвернулся... Сваренная в ведре на очажке из нескольких кирпичей, она оказалась чем-то необыкновенным; хоть мало, но ни в каком ресторане много позже такой еды они не ели... Хоть и "дикая" кура, перья от нее они конечно тщательно сожгли...

Ну а потом они уже поднаторели с курами. Все бы ничего, не забреди к ним другой "дикий" гость -- большой гусь. Они наверно и не тронули бы его, но он больно наглый оказался -- вел себя как хозяин, с такой партийной хваткой, хватал всех за ноги... Ну и попал он "во щи" -- и было это какое-то запредельное пиршество, в этот раз было много еды, хватило на всех, кто сколько хотел... После этого, они забрались в свои землянки, почти не раздевшись, и пьяные от еды, забыли сжечь перья... В этом оказалась их роковая ошибка.

Над останками гуся

В часов пять утра их разбудил адский шум. Они забыли, что бабы из центральной усадьбы приходили на их стройку рано утром, чтобы прибрать что плохо лежит -- обрезки досок, даже балок -- для растопки, да и вообще в хозяйстве пригодится.

Бригадники на это смотрели как на неизбежный, да и не слишком убыточное обмен на "диких" кур. На этот раз, однако, бабы обнаружили гусиные перья; им все стало ясно, включая пропажу кур; и разъяренные, они штурмовали землянки студентов, орудуя обрезками досок как таранами. Студенты, кто в чем был, босиком, не видя толком, что происходит и почему, бросились к родному коровнику. По самодельным лестницам, всегда приставленным к его стенкам, они взлетели на крышу и втянули лестницы за собой, чтобы бабы не смогли за ними последовать. Сбившись там в дрожащую кучу, они беспомощно прикрывали головы от летящих снизу камней, земли, и обрезков. Тем временем, женщины послали пару на поиски директора совхоза, а остальные продолжали держать осаду, чтобы не дать похитителям разбежаться.

Скоро, в бледном свете наступающего дня, на дороге появилась мчащаяся двухколесная бричка директора. Подлетев к коровнику и оказавшись между бабами и дрожащими на крыше студентами, он резко затормозил, натянув удила. Встав во весь рост в своем длинном брезентовом плаще, покрывавшем сапоги и жестяном от росы, он цепко огляделся вокруг и все оценил. Поставив ногу на облучок и повернувшись к студентам, он задрал голову к крыше коровника и начал говорить. Они никогда еще не слышали такой речи -- в его прокуренном голосе были упакованы гнев и ярость; это был необычный язык -- конечно, мат, но особый. Позже Санька слышал разные разновидности мата, все скучные -- и строительный, и армейский, и мат доярок в коровниках (этот был самый грязный...), но только потом он понял, что слышали они мат "на фене" -- мрачный, вдохновенный -- лагерный, урочный... Было там и "суки некрасивые" и "козлы паршивые", и "падлы подзаборные", и "мудо*бы задрызганные", и "фуфло поганное", и "вши вонючие", и "сучьи потроха" -- и это были самые литературные обороты... многое они даже не поняли, только догадывались. И усопший гусь не была забыт тоже, что-то о "птице неповинной" было упомянуто; получил он свой реквием -- нечастая вещь для целинного гуся...

Длилось эта речь наверно минут десять, кто знает, -- это был театр одного актера -- и он знал что делал... Побывал он наверняка в лагере, да и кто не был..., да и бабам (Казахстан это был...) язык был знаком, было это для них как успокаивающий запах махорки. Рассевшись по бревнам и подперев рукой подбородок, они заворожено потерялись в знакомых звуках. Директор был тертым мужиком, да в лагере наверно бригадиром был, и свое дело знал. Почувствовав, что он владеет ситуацией, он резко оборвал свою речь, и повернувшись к бабам, хмуро отрезал -- "Все, хватит, я с ними сейчас разберусь по настоящему. А вам на работу пора, уже опаздываете."

Встав и отряхнувшись, бабы гуськом потопали по тропинке вдоль коровника. Когда последняя из них исчезла за углом, директор устало присел на облучок, и вытащив "Беломорканал" (мог себе это позволить вместо махорки), закурил в затяжку. Сплюнув на землю, он спросил, "Вы что, долго*бы, перья сжечь не могли?" Понятно, коровник был ему важнее, чем гусь. Студенты, дрожа от холода, сползли с крыши направляясь к своим землянкам. Когда директор докурил и собрался уезжать, они его окружили, "Слушай, жрать нам надо все-таки; продал бы ты нам какое-нибудь мясо; пусть завхоз запишет в счет будущего заработка...". Щелкнув кнутом в воздухе, он огрызнулся, "И так обойдетесь, как и раньше... Только чтоб я об этих перьях больше не слышал!"

И это пройдет...

Конечно, они стали осторожней. Но и гусей им больше не попадалось -- деревенские тоже были не дураки. Куры уже реже, но забредали, и их перья потом исчезали с легким дымом очажка. Таки не достроили они коровник -- и не по своей вине, с материалами были большие задержки; но основное -- они поставили всю крышу, и стадо было прикрыто; оставалось закончить настил, поставить ворота и другие доделки, но это могли уже сделать местные плотники. Свой аккорд они не весь, но получили; у них оказался немаленький заработок. Санька потом смог прокормиться, хоть и скудно, весь осенний семестр на него.

Отряд отпустили поздно, где-то в октябре; было холодно, шел снег с дождем, все землю развезло. В последнюю ночь в ожидании грузовиков, всех согнали в пустой амбар; в нем тоже под ногами была холодная жижа. Собрав какие-то бревна, и набросав на них доски, они устроили настил, под которым хлюпала все та же жижа, и улеглись в телогрейках, дрожа и прижавшись друг к другу. Спать было все равно невозможно из-за холода; и Сашка-артист, чтобы поднять их дух, стал рассказывать длинные истории-анекдоты; Санька запомнил несколько... На этот раз, в обратный путь их повезли уже в обычном пассажирском поезде, третьим классом. Не доезжая до Москвы, Санька сошел в Самаре, чтобы увидеть семью; мать вычислила когда будет проходить их поезд и провела несколько часов на вокзале чтобы встретить его.

Издалека...

А гусь, что-ж... его и так бы съели хозяева. Окрестили его студенты "диким" в порядке юридической тонкости, ну а кончил он как и все домашние гуси -- в супе. Отлетела его душа тихо, а сам он летать не мог, ходил по земле, подгоняемый хворостиной, хоть и важничал как начальник. Не видел он никогда землю с неба, не прокладывал свой путь среди звезд, не вел косяк в высоте; и не помер как свободный, дикий гусь -- в небе, грудью на упругий ветер...

Да и не сильно отличались от него те кто поел сполна в ту ночь, хоть и считали они себя будущей элитой. Шли они в своей жизни по затоптанным сов-дорожкам, под невидимой хворостиной -- и печальный в своей сути лагерный мат тертого директора совхоза был грустным реквиемом по их будущему тоже... Единицы из них узнали потом, что могут они летать -- и далеко... Ну а тот коровник всё еще виднелся им издалека, и "дикий" гусь тоже...

За много лет в Америке Санька редко видел домашних гусей, и вот интересно: нету гусятины в американских супермаркетах. А вот диких, свободных гусей и уток -- в каждом городе, в каждом пруду и речке, на причалах, болотцах, заливах, заповедниках, на любой воде... Людей они не боятся -- их никто не обижает. Прилетают когда хотят, и улетают когда хотят. Гусят и утят выводят прямо на причалах, так им безопаснее. Свободные птицы; живут без хворостины и умирают без реквиема...